

ЧИТАЙТЕ КНИГИ НАТАЛЬИ ТИМОШЕНКО:

Мертвая неделя
Игра с огнем
Хранительница болот
Нити жизни
Гадючий Яр

Цикл «Игры со смертью»

Кошки-мышки
Правда или желание
Дочки-матери
Жмурки
Казачи-разбойники

Цикл «Демонология по Волкову»

Собиратели душ
Падальщики
Сноходцы

Цикл «Проклятые артефакты»

Последнее отражение
Маска тишины
Кровавый рубин

НАТАЛЬЯ ТИМОШЕНКО

КРОВАВЫЙ РУБИН

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т41

Художественное оформление серии
Екатерины Петровой

Тимошенко, Наталья Васильевна.

Т41 Кровавый рубин / Наталья Тимошенко. — Москва : Эксмо, 2026. — 352 с. — (Мистические романы Натальи Тимошенко).

ISBN 978-5-04-242652-0

После путешествия на Крит друзья Стефана Яновского надеялись, что новое задание окажется в не менее приятном месте, но вместо моря и солнца получили старинный дом в глухой заснеженной тайге. Этот дом когда-то построил для своей жены богатый золотопромышленник Иван Верховодин, о котором ходят самые страшные легенды. По одной из них, он нашел на местном руднике уникальный рубин, но потом жестоко за это поплатился.

Более ста лет легендарный рубин считался утерянным, однако участница реалити-шоу, которое снимали в доме Верховодина, сфотографировала его на свой телефон, после чего погибла, а съемочная группа в панике сбежала, закрыв проект. Стефану удалось получить эту фотографию, и он немедленно снарядил экспедицию в тайгу, чтобы разыскать рубин. Дом встретил команду неприветливо и, похоже, всячески стремится избавиться от непрошенных гостей. Удастся ли им не повторить судьбу телевизионщиков, или же дом все равно возьмет плату за нарушение покоя?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242652-0

© Тимошенко Н., текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

Пролог

1870 ГОД

Май в том году выдался по-собачьи злым: вместо весеннего тепла с гор спустился ледяной туман, перемешанный с колючей крупой снега. Иван, которому едва минуло девятнадцать, стоял по колено в мутной обжигающей воде притока, чувствуя, как ноги в сапогах медленно превращаются в онемевшие куски льда. Его пальцы, испещренные мелкими порезами и мозолями от постоянного контакта с острым песком, почти не гнулись, но он продолжал методично трясти лоток. Грязь была повсюду: под ногтями, в складках промокнувшей насквозь холщовой рубахи, на губах, соленых от пота и речной взвеси.

Каждый грамм золотого песка, который он вымывал на приисках Барина, казался Ивану личным оскорблением. Пока он гнул спину в ледяном месиве, «хозяин Урала» пил шампанское в богатых особняках. Здесь, на реке, жизнь человека стоила дешевле, чем старые сапоги. Желудок сводило от голода, в ушах стоял монотонный шум воды: звук,

который Иван ненавидел почти так же сильно, как свою нищету.

Когда раздался долгожданный сигнал к обеду, Иван с трудом выпрямил задеревеневшую спину. Ноги слушались плохо, будто чужие, но инстинкт вел его к единственному источнику тепла: чадающему костру, вокруг которого уже собрались такие же серые, просоленные нуждой старатели, как и он сам. От их промокшей одежды поднимался густой пар с едким запахом махорки и немытых тел, хмурые лица немного посветлели в ожидании горячего кипятка и скудной еды.

Иван присел на обледенелое бревно, потирая покрасневшие опухшие ладони. Он не ввязывался в общий разговор об удачных сменах или долгах перед лавкой, а просто смотрел на огонь, и в его воспаленных глазах плясали искры, которые были куда ярче, чем та жалкая золотая пыль, что оставалась на дне лотка.

— Вот найду самородок с кулак, — хрипло пробасил Федька, ровесник Ивана, такой же худой и грязный парнишка, прибившийся к старателям прошлой осенью, — и уеду в Екатеринбург или Пермь, куплю себе дом с резным крыльцом и лавку, девку найду самую грудастую. Буду торговать ситцем и сахаром, а в штольню эту даже во сне не вернусь.

— С кулак он найдет! — сплюнул в костер хромой Михалыч, и пламя недовольно шикнуло. — Ты, Федька, с кулак только дыру в своем кармане найдешь. Бариновские приказчики за каждую песчинку душу вытрясут, а если что стоящее уви-

дишь, так в тот же вечер в овраге и прикопают. Мечтай больше!

Федька обиженно замолчал, обхватил опухшими пальцами кружку с пустым кипятком, надулся, как воробей в морозы. Иван Федьку недолюбливал. Был тот болтлив, хвастлив, а на деле же ничего не стоил. И за что его только Баринов держит? Толку от него как от козла молока.

Еще один старатель, Семен, который все это время молча жевал корку черствого хлеба, вдруг поднял глаза. Его лицо, испещренное морщинами, в свете костра казалось высеченным из камня.

— Золото — это что... Золото — оно жадное, но понятное, — негромко проговорил он, и остальные невольно притихли. — А вот про «проклятые слезы» слышали?

— О, очередная байка сейчас будет, — рассмеялся кто-то из старателей, сидящих подальше от костра, но Семен не обратил внимания.

— Слышал я, будто в этих горах алмаз есть чистый, как утренняя роса, да только в руки он дается не всякому. А даже если и дался, то радоваться рано. Был у меня знакомец, Гришка Рваный. — Семен зловеще прищурился, глядя в самое пламя. — Нашел он в старой штольне, что за Чертовым Пальцем, россыпь такую, что в глазах рябило. Радовался, дурак, кричал на все прииски, что теперь в шелках ходить будет.

Семен замолчал, подбросил в огонь сухую ветку, которая тут же с треском лопнула.

— И что Гришка? — не выдержал Федька, подавшись вперед.

— А ничего. Через неделю нашли его в избе. Всю семью: и жену, и деток малых — будто звери лесные порвали, а самого Гришку на пороге пристроили с пустыми глазницами. А алмазов тех и след простыл. Алмаз в горах — это не просто камень, это слезы Хозяйки. Чтобы его взять и гнев на себя не навлечь, мало удачи. Знать надо, какое слово сказать и какую десятину горе отдать. Если без спросу цапнешь, Хозяйка твой дом в могилу превратит.

Иван слушал, не шевелясь. История о проклятых алмазах, принесших смерть в дом, не испугала его. Напротив, отзывалась внутри странным, диким каким-то азартом. Он не боялся никакой Хозяйки, он боялся прожить жизнь в этой ледяной воде, до смерти пить пустой кипяток и заедать черствым хлебом. Вот что пугало его по-настоящему.

«Если гора требует десятину, я дам ей десятину, — холодно подумал он. — А семьи у меня все равно нет, не за кого переживать».

Мамка Ивана умерла, когда ему было всего десять годков, а отца он и не видел никогда. Был тот из таких же золотодобытчиков, как ветер: сегодня здесь, завтра там. Ищи-свищи. После мамкиной смерти Иван был приживалой у дядьки, да быстро его оттуда поперли. Кому лишний рот нужен, когда самим не хватает? Мыкался несколько лет, пока не попал в артель к Баринovu, но и здесь надолго задерживаться не собирался.

В его голове, затуманенной холодом, вдруг отчетливо прояснилось: он купит штольню, чего бы это ни стоило. Найдёт эти «слезы», но, в отличие от Гришки, будет знать, как договориться с горой.

Где-то в глубине сознания уже рождалась уверенность, что он — единственный, кто сможет приручить эту силу, превратив проклятие в чистое сверкающее могущество.

Обед закончился быстро, оставив после себя лишь горький привкус махорки и еще более острое чувство голода. Иван вернулся в ледяную воду, стараясь держаться поближе к Семену. Струя воды здесь была злее, но именно Семен, со своим многолетним чутьем, всегда знал, где дно богаче. Теперь старик казался Ивану не просто измотанным работягой, а носителем тайного знания.

— Дядька Семен, — вполголоса начал Иван, ритмично встряхивая лоток, чтобы смыть верхний слой песка. — А те алмазы... неужто правда? Неужто золото против них — так, пыль под ногами?

Семен покосился на него, не разгибая спины. Его лоток двигался с точностью часового механизма.

— Золото — это хлеб, Ваня. Алмаз — это корона. Найди ты здесь прозрачный кристалл с горошину — и сытая жизнь у тебя в кармане. Только вижу я по тебе, что амбиций много. Не хочешь ты, как Федька, лавку и девку грудастую. Тебе славу подавай, почет. Но алмазы ничего, кроме богатства, не принесут. А если хочешь настоящий почет, если хочешь, чтобы говорили о тебе все, чтобы даже в Петербурге знали, рубин найти надобно.

— Рубин? — удивленно переспросил Иван. — Так не водятся они здесь.

— В том-то и дело. Намыть золото — много ума не надо. Найти алмазы — только твоя удача. Ниче-

го тут от тебя не зависит. А вот чтобы рубин найти, характер нужен. Смелость. Вот об этом говорить будут. Рубины в крови рождаются, и никак иначе.

— Дык как же его найти, если нету?

Семен хитро усмехнулся.

— Для всех нету, а для тех, кто людей слушать умеет, есть. Знал я одного старика, он рассказал, как рубины добыть можно.

— А чего ж вы не добыли тогда? — прищурился Иван, на мгновение отрываясь от лотка.

Семен вздохнул.

— Смелости не хватило. Я из-за трусости своей здесь, на приисках, и оказался. Я ведь не то что остальные старатели. Ученый, образованный, в Москве учился! Так судьба-злодейка сюда забросила. И на рубины дерзости не хватит. Да и ты лучше про алмазы думай, парень. Золото приисковое тебя не прокормит, только спину ломает, алмазы обогатят. А рубины выбрось из головы. Зря я тебе сказал.

Иван кивнул, но в голове его уже выстраивался иной расчет. Он смотрел на свои покрасневшие руки и видел в них не лоток, а ключи от тяжелых дверей собственного дома.

«Сперва золото, — лихорадочно думал он. — Буду откладывать каждый грош, буду красть, если придется, буду грызть эту землю зубами. А потом и до алмазов дело дойдет».

Он решил, что не останется вечным старателем у Баринава. Он выкупит свою штольню. А там его пробивной характер и звериное чутье сделают свое. Он найдет алмазы, чтобы купить себе имя, найдет золото, чтобы купить власть.

КРОВАВЫЙ РУБИН

Но где-то на самом краю сознания, глубже алмазных жил и золотых россыпей, ядовитой занозой засела мысль о рубинах, рожденных из крови. Алмазы давали блеск, но рубины... рубины обещали нечто большее. Тепло, которое никогда не даст этот проклятый уральский май. Иван сжал края лотка так, что костяшки побелели. Он еще не знал как, но непременно узнает у Семена, как добывать рубины. И уж у него смелости хватит!

Глава 1

НАШИ ДНИ

Февраль в глухой тайге за Пермью совсем не то же самое, что в яркой, освещенной Москве. Деревья практически смыкались кронами над головой, превращая небо в узкую серую полосу, а старая лесовозная дорога угадывалась лишь по просвету между стволами да по более или менее ровному слою снега, под которым скрывалась еще с осени разбитая колея. Свежий пухляк, выпавший за ночь, лежал сверху рыхлым одеялом, коварно скрывая и пни, и поваленные ветки, поэтому о том, чтобы добраться до места на машине, не шло и речи.

Рев двух снегоходов вяз в тяжелых еловых лапах, а Лу, вцепившись в куртку Дэна, чувствовала каждое движение машины. Дэн вел уверенно, стараясь ловить гусеницей твердое основание старой дороги, но даже под его руками снегоход порой капризно вилял, когда лыжа соскальзывала в мягкую пустоту кювета. Позади на жесткой сцепке подпрыгивали нагруженные нарты; на таком снегу они ра-

ботали как якорь, то и дело норовя завалить снегоход набок. Под брезентом глухо перекатывались сумки с вещами, едой и канистры с топливом — единственный залог возвращения в цивилизацию.

В нескольких метрах позади, стараясь держаться в колее, шли Стефан и Лина. Лина почти полностью спрятала лицо в высокий воротник, спасаясь от ледяной пыли, вылетавшей из-под первого снегохода.

Дэн поднял руку в меховой краге, давая знак замедлиться: впереди лес становился еще плотнее.

— Дороги больше нет, — громко крикнул он, и голос, приглушенный шлемом, едва пробился сквозь гул мотора. — Дальше только через просеку. Если завалимся в овраг, до весны не достанут. Поэтому езжай осторожно, держись сразу за мной.

Что ответил Стефан и ответил ли вообще, Лу не расслышала. Подозревала, что он промолчал или проворчал что-то себе под нос. Иногда он бесил Лу своим спокойствием, но она не могла не признать, что чаще всего его флегматизм позволял избежать ненужных конфликтов. Вот и сейчас в предупреждении Дэна не было никакого смысла: всем и так было понятно, что ехать нужно крайне аккуратно, потому что цена любой ошибки здесь — огромные проблемы.

Вообще-то все должно было быть не так. Они прилетели в Пермь вчера вечером и должны были выехать рано утром на арендованной машине с прекрасной проходимостью. Еще по вчерашней дороге она проехала бы. Но ночью началась такая метель, что Дэн, как самый прожженный путешественник,

ехать не рискнул. Они ждали до обеда, надеясь, что дорогу прочистят, но все коммунальные службы были заняты и чистить дорогу туда, куда никто не ездит, не собирались. Пришлось менять автомобиль на два снегохода, и это казалось Лу той еще авантюрой. Однако выбора не было, не возвращаться же обратно. Время поджимало, в любой момент кто-то мог узнать ту же информацию, что попала в руки к Стефану, и тогда у них появятся конкуренты. Хотелось использовать фору по максимуму.

Снегоход снова зарычал, вгрызаясь в снег, и Лу крепче обхватила Дэна руками. Свет начал меняться. Оказалось, в тайге это происходит незаметно: сначала тени под елями становятся гуще, а потом вдруг понимаешь, что мир вокруг превратился в бесконечный градиент серого. Солнце, и так едва пробивавшееся сквозь тяжелые снеговые тучи, окончательно скрылось за горизонтом из заснеженных крон.

Лу осторожно освободила одну руку, вытащила из кармана смартфон, взглянула на экран. Просто чтобы проверить время, но в груди неприятно кольнуло: сети не было, но пугало не это. К отсутствию связи в глухой тайге Лу была готова, а в доме, по уверениям Стефана, связь будет. Пугало то, что цифры на экране показывали пять вечера. Они должны были быть на месте еще час назад.

Дэн снова притормозил. На этот раз он не просто подал знак рукой, а полностью заглушил мотор. Стефан, шедший следом, едва не врезался в их нарты, но вовремя заложил вираж.

Тишина ударила по ушам. Она была такой плотной, что Лу казалось, будто она слышит стук соб-

ственного сердца. Не лязг зубов — и на том спасибо. Хотя, если они продолжают кружить по тайге ночью, и до него недалеко: днем было достаточно тепло, но к вечеру начинало холодать.

— В чем дело? — недовольно спросил Стефан, поднимая забрало шлема. Его лицо покраснело не то от холода, не то от усталости. — Почему встали?

Дэн ответил не сразу. Он слез со снегохода, огляделся по сторонам: вокруг стояли исполинские ели, облепленные снегом так, что казались белыми призраками, замершими в ожидании неизвестно чего.

— По карте просека должна была вывести нас к старому мосту через ручей, — наконец отозвался он, и Лу почувствовала в его голосе тень сомнения, которую он пытался скрыть. — Но я не вижу моста. И ручья не слышу.

— Замерз? — предположила Лина, нервно поправляя капюшон. — Или его завалило снегом, как и все вокруг. Мы едем уже четыре часа. Тут все выглядит одинаково.

— Мы не должны были ехать четыре часа, — пробормотал Дэн, вытаскивая телефон. — Тут два часа пути, ну пусть три для начинающих, но не четыре.

Лу слезла со снегохода, и нога тут же ушла в снег по самое колено. Она судорожно схватилась за борт машины, ощущая, как холод моментально пробирается под одежду. Ей вдруг показалось, что лес вокруг них начал сжиматься. Деревья больше не выглядели просто деревьями, они напоминали стражу, которая молча наблюдает за чужаками. Пока еще молча, но стоит кому-то невидимому отдать при-